

предопределила крах моих юношеских грёз о дипломатическом поприще, но, как ни странно, возродила в последующем мечту путешествовать по всему белу свету и, что самое неожиданное, специализироваться в астрономии.

— Вы перешли на исторический факультет, куда и хотели поступить вначале?

— Нет, случилось иначе. Группу «История Китая» в составе 18-ти студентов опекали особо декан Восточного факультета Геронтий Валентинович Ефимов и завкафедрой «История Дальнего Востока» Лев Абрамович Березный, видные историки, инициаторы уникального научно-образовательного проекта «Китай и всемирная цивилизация». Они сделали всё, чтобы смягчить, а в конечном счете свести на нет более чем странное распоряжение министерства, которое, видимо, не понимало исключительной важности заблаговременной подготовки специалистов для должного уровня взаимоотношений с великим соседом на восточных рубежах страны в грядущую эпоху. «Группа 18-ти» отказалась в полном составе менять избранную профессию и была, к счастью, поддержана в этом желании руководством факультета. Правильность административной «дерзости неподчинения» московскому образовательному начальству подтвердили судьбы выпускников-историков факультета середины 50-х годов — более половины из них стали докторами разных отраслей исторических наук, влились в кадровый состав академических институтов обеих столиц, стали сотрудниками научных и образовательных учреждений разных регионов страны, в том числе самых отдаленных — среднеазиатских, сибирских и дальневосточных, выступили организаторами становления в научных центрах востока России своеобразных научных школ, в том числе новой отрасли изучения прошлого народов центрального и восточноазиатского зарубежья — археологической востоковедения.

— Вы представляете его сибирскую ветвь в Институте археологии и этнографии СО РАН. А куда восходят её истоки? Есть ли в результатах исследований представителей новосибирской школы, в том числе ваших лично, то, что коллеги ценят в особенности, склонны воспринимать уважительно и с высоким профессиональным интересом?

— Истоки восходят к тем же годам позорного китаеведческого «погрома» Восточного факультета. Тогда «группа 18-ти» предстояло пройти архивную и археологическую практику. Нам была предоставлена возможность выбрать любой район страны, какой только пожелаем, а поскольку был избран предельно дальний — Приморье, Владивосток (очень хотелось путешествовать, ознакомиться со всей страной сразу — от крайнего запада до крайнего востока), то руководители факультета посоветовали обратиться в Институт истории материальной культуры к Алексею Павловичу Окладникову, который вел тогда исследования в Прибайкалье, Забайкалье и на Дальнем Востоке, в пограничье России с Кореей, Китаем и Японией.

Будущий директор Института истории, филологии и филологии СО АН СССР встретил посланцев ЛГУ с неожиданным для нас интересом и вниманием:

— Китаеведы? Историки? А иероглифы в самом деле умеете читать? Так вы-то как раз и нужны мне! Институт развертывает масштабные раскопки в Приамурье и Приморье. Нам же необходимо знать детально о результатах исследований китайских археологов в пограничных с нашей страной районах — в Маньчжурии, Внутренней Монголии, а также на западе — в Синьцзяне, соседней с республиками Средней Азии провинции. Так что приглашаю к деловому сотрудничеству...

Наука «форматная» и «неформатная»

— Этот эпизод и определил через несколько лет начало становления в Сибири и на Дальнем Востоке историко-археологических центров востоковедения во главе с выпускниками «группы 18-ти». Что касается Академгородка, то решающий импульс формирования такого подразделения в Институте истории, филологии и философии СО АН придал визит в Новосибирск Алексея Николаевича Косыгина после драматически унизительных для премьера переговоров в аэропорту Пекина с Чжоу Эньлаем, ближайшим соратником Мао. Он не удостоил его, как положено по дипломатическим канонам, элементарной межгосударственной вежливости, приёма в резиденции правительства. Удрученный неудачей уладить конфликт, Алексей Николаевич призвал Сибирское отделение Академии

наук организовать научно-образовательный и консультативно-просветительский центр изучения Китая, близкого соседа столицы Сибири, что и было незамедлительно исполнено руководством Президиума.

Сектор истории и археологии стран зарубежного Востока и Комиссия по востоковедению Сибирского отделения стали организационным ядром востоковедных исследований на всей территории Зауралья. Тематика исследований сектора охватывала огромный хронологический период — от истории Советов в Китае и создания компартии в 20-е годы прошлого века до древнекаменного века всего восточноазиатского региона — Китая, Монголии, Кореи и Японии. На мою долю выпало последнее, а дополнительно — история народов Приамурья и Приморья в эпоху первобытности и средневековья по материалам летописных хроник Китая и археологических изысканий.

Результатом почти 40-летней работы сектора стали выход в свет 40 томов серийного издания «История и культура Востока Азии», в их числе публикация подлинных историко-культурных жемчужин, первоисточников по истории кочевых государств степного, пустынного и горно-таежного пограничья Северного Китая, юга Сибири и русского Дальнего Востока — летописных хроник «Железной», «Золотой» и «Небесной» империй, соответственно, — киданей, чжурчженей и монголов, веками противоборствующих с «Поднебесной». Осенью этого года выйдет в свет хроника начальной поры становления маньчжурской династии Цин, наследницы «Золотой империи» чжурчженей.

— Я понимаю это так — вам удалось утолить жажду путешествовать по миру, но посредством мысленно воображаемого странствия по историко-культурным эпохам событий на просторах Средней и Восточной Азии?

— Удалось, но не только воображаемо, но и вполне реально, пространственно, в странствиях. В течение полутора десятков лет мне посчастливилось участвовать в экспедиционных исследованиях на территории Монгольской Народной Республики и неоднократно пересечь в маршрутах территорию её с севера на юг и с востока на запад. Я по долгу научной службы побывал в Северной Корее и в США, совершив при том почти полное кругосветное путешествие. Участвовал в работе Всемирного конгресса археологов в Ницце, вел в течение многих лет раскопки на юге Средней Азии, в Прибайкалье, Забайкалье, в Приамурье и Приморье, а также на юге Западной Сибири. Так что в этом отношении грех жаловаться. Мечта осуществилась вполне достойно и без обретения заманчивого статуса дипломата, как грезились по деревенской наивности 60 лет назад.

— Какие из сделанных за это время открытий представляются вам в особенности дорогими лично для себя и воспринимаются значимыми для сибирской археологической науки специалистами?

— Дорого и значимо, видимо, из-за непривычной по силе остроты ощущения, конечно же первое — когда удалось решить загадку восстановления имени выдающегося полководца «Золотой империи», кому был поставлен грандиозный погребальный памятник вблизи современного города Уссурийска (стела с иероглифическим текстом жизнеописания оказалась уничтоженной в древности). Головоломная разгадка потребовала кропотливых разысканий в летописях, посвящённых истории чжурчженей, и детективных поисков в архивах Владивостока, Хабаровска и Ленинграда документов тех, кто изучал безымянный памятник до меня. В ходе последних удалось, помимо прочего, обнаружить «потерянные» дневники выдающегося востоковеда XIX в. Палладия Кафарова, руководителя Пекинской православной духовной миссии, который осуществил первую археолого-этнографическую экспедицию в Южно-Уссурийский край, только что вошедший в состав России, осматривал величественный погребальный холм знатного средневекового воина и раздумывал над тем, что несказанно волновало и меня в студенческие годы через 80 лет после того.

Древнекаменный век — фундаментально важная для меня тема во всей полувековой научной деятельности. Аспекты её были разными на протяжении нескольких десятилетий, а существенные акценты неоднократно менялись и зависели от превратностей жизненных обстоятельств. «Звёздный час», правда, шумно скандальный, связанный с открытиями в этой сфере, пришёлся на конец 70-х годов прошлого века, когда я начал раскопки поселения Малая Ся в Северной Хакасии. Они неожиданно для всех удвинули начало освоения Сибири Ното

sariens примерно на 10 тыс. лет, чем предполагалось прежде (событие это вышло за пределы 30 тыс лет!), а сама культура весьма озадачила очевидной, кажется, невероятностью — наличием своеобразных, изговоренных из камня предметов искусства. Обнаружение таковых не предполагалось в Сибири, как считалось, медведь глухой периферии расселения «людей разумных» Евразии.

Возбуждая негодование авторитетов хронология памятника, а в особенности — нетривиальная интерпретация образов древнейшего в Азии искусства дорого стоили мне. Раскопки Малой Ся были насильственно прерваны, памятник и материалы его скомпрометированы, и у меня нет никакого желания вдаваться в детали научной драмы хотя бы потому, что теперь такого же возраста стоянки стали известны в других регионах Сибири, а при раскопках их тоже удалось обнаружить предметы искусства. Нет желания еще и потому, что, как историограф палеолита знаю, с какой иезуитски изворотливой неприязнью воспринимало научное сообщество XIX и начала XX веков каждый новый шаг в «дикое-варварское» прошлое человечества, которое вовсе не было таким уж диким. Героям и жертвам отошедших в прошлое научных трагедий я посвятил несколько книг, но теперь хотелось бы переписать их поучительные биографии заново, сделав повествования прочувствованнее, с учётом личного горестного опыта.

Из других, особо приятных для себя достижений, я бы упомянул открытие в Хакасии скального храма раннего железного века с многофигурными картинками героического эпоса. Они удвинули это выдающееся культурное явление, свидетельство начала формирования ранней государственности у народов юга Сибири, почти на тысячу лет (II век до н.э., а не VII — VIII н.э., как считалось ранее).

Но по настоящему судьбоносным считаю редкостную удачу раскопок Ачинской стоянки в начале 70-х годов. Древность памятника восходит к 19 тыс. лет от наших дней. В пределах его удалось обнаружить загадочного назначения сооружение из костей вымерших животных, очаги, которые отапливались каменным углем (!) и, главное — предмет искусства, изготовленный из бивня мамонта, жреческий «жезл», «украшенный» двумя спиральными лентами. Они заключали в себе более тысячи луночек, числовых знаков, образующих остроумную арифметическую систему счисления времени лунными трёхлетиями. С тех пор я стал представителем «неформатной архе-

ологии», «непопулярной научной традиции», которую неудобно для авторитетов основатель её, князь Павел Арсеньевич Пуятин, назвал в середине 80-х годов XIX века астроархеологией или, в ином варианте, космической археологией, в чём был поддержан выдающимся популяризатором астрономии Фламарионом.

— Догадываюсь по словам «неформатная и звездная археология», что это открытие возродило мечту заняться астрономией?

— Правильно, а с нею началось формирование коллектива единомышленников из астрономов, математиков, геометров и геодезистов. Теперь совместными усилиями решаем в поле, где обнаружили астрономические обсерватории и астросвятлища, сложнейшую проблему становления прото-наук в культурах Северной, Центральной и Средней Азии.

— Да, очевидно, такой неординарности, сложности и «неформатности» исследования первобытности, конечно же, требуют привлечения высочайшей квалификации специалистов как в гуманитарных, так и точных науках, то есть работы на стыке разных категорий знаний, где обычно и случаются открытия. Но как вам в этой связи либеральные реформации отечественных науки и школы?

— Первые «люди разумные» Сибири — охотники на мамонтов — осознавали необходимость бережного сохранения жречества, клана интеллектуалов, мозгового центра культуры. Они, судя по множеству выявленных фактов, старательно поддерживали эту традицию десятки тысячелетий, не считаясь ни с какими трудностями и затратами скудного «бюджета» ледниковой эпохи. Однако господ Фурсенко, Ливанов, Голодец и деятели гайдаровской Высшей школы экономики, видимо, не понимают значимости академий. Потому считаю бессмысленной затеей увещивать циничных могильщиков разума. А на ваш вопрос отвечу краткой стихотворной репликой Андрея Дементьева, поясняющей печальную реальность современного бытия страны:

*Я пришёл из минувшей эпохи.
И прогнозам моим вопреки
В этом веке по-прежнему плохи
И дороги, и дураки...*

Беседовал Ю. Плотников, «НВС»

На снимках В. Новикова: — 70-е годы, на заседании совета по защите диссертаций ИИФФ: справа — Р.С. Васильевский (председатель), слева — В.Е. Ларичев (секретарь); — 2013 г., интервью редактору «НВС».

